

УТВЕРЖДАЮ

Директор ФГБУН Институт языкознания РАН

д. филол. н. Андрей Александрович Кибрик

« 07 » мая 2024 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт языкознания Российской академии наук»
на диссертацию Стрельцовой Лилии Александровны
«Верования непальских лимбу: традиции и трансформации в XX-XXI вв.»
представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.4. — Этнология, антропология и этнография.

Диссертационное исследование Стрельцовой Лилии Александровны посвящено религиозным воззрениям тибето-бирманской народности лимбу, проживающей на территории Непала, а именно традиционным верованиям этого народа и трансформациям этих верований, произошедшим в XX-XXI вв. Актуальность научного исследования связана прежде всего с все более возрастающим в современной гуманитарной науке интересом к культурам миноритарных этносов на фоне общемировых процессов глобализации, модернизации и урбанизации, что объясняется необходимостью скорейшей фиксации различного этнографического материала. Кроме того, миноритарные неиндоарийские народности таких южноазиатских стран, как Непал и Индия, помимо влияния на них глобальных общемировых процессов испытывают также отдельное давление со стороны индоарийского индуистского большинства, часто приводящее к этнокультурной, религиозной и языковой ассимиляции с последним. В связи с этим обращение автора диссертации к этнографии народности лимбу представляется важным и своевременным.

Научная новизна исследования заключается во введении в научный оборот современных этнорелигиозных данных народности лимбу, в частности, таких как степень сохранности традиционных верований, попытки их институционализации в целях сохранения и укрепления этнической и культурной идентичности, возникновение на основе традиционных верований нового религиозного течения, его дальнейшее сосуществование и конкуренция с традиционными верованиями и др. Непал с его богатейшим этническим разнообразием все еще остается на периферии российской этнографии, и российское непаловедение до сих пор не сложилось как устойчивое и развивающееся научное направление. Поэтому данная диссертация, будучи

этнографическим исследованием непальской народности, вносит вклад в развитие данного направления и открывает дорогу другим исследователям, намечая перспективы на будущее. Автор диссертации свободно владеет непальским языком, что позволяет ему обращаться к непалиязычным источникам, недоступным для других исследователей. Отдельная исследовательская работа была проведена автором в интернет-пространстве, где многие, в частности, урбанизированные лимбу так же используют непальский язык для общения: исследовались данные сайтов, форумов, социальных сетей, а также видеохостинга YouTube. Таким образом, в научный оборот были также введены данные современных интернет-дискуссий в сообществах лимбу, в частности, касающихся конкуренции разных религиозных направлений лимбу и проблемы сохранения этнической идентичности.

Не оставляет сомнений и теоретическая значимость исследования.

Прежде всего, результаты диссертационного исследования могут быть использованы при изучении локальных вариантов традиционных верований других тибето-бирманских этносов южноазиатского региона, а также при создании обобщающих исследований по этнографии, истории и культуре Гималайского региона, представляющего собой уникальное этнокультурное пространство. Помимо этого, особый интерес вызывает процесс создания и дальнейшего функционирования в социуме «религии киратов» – нового религиозного направления, сконструированного на основе традиционных верований лимбу. Это направление имеет большое количество типологических параллелей у других народов Южной Азии. В XX в. в южноазиатском регионе массово конструируются «новые старые религии» (термин С.И. Рыжаковой), которые объединяет большое количество общих черт: с одной стороны, они базируются на традиционных этнических культах, а с другой, представляют собой их сильно санскритизированный вариант, приближенный к индуистским воззрениям и в то же время противопоставляющий себя индуизму. Среди таких религий можно назвать доньи-поло у ади, батхуизм у бодо, санамахизм у мейтей, ниам-кхаси у кхаси, херака у ряда нага, маттар-баном у сора, сарнаизм у санталов и хо и др. «Религия киратов» у лимбу стоит в ряду таких религий, и изучение ее особенностей может пролить свет на общие процессы религиозного конструирования в южноазиатском регионе, а также послужить типологическим фоном для изучения других религий из этого ряда.

Структура диссертационной работы последовательно отражает этапы исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы.

Во введении приводится общая характеристика работы, определяются объект и предмет исследования, обозначены цель и задачи работы, анализируется степень

изученности темы, описывается методология исследования, а также приводятся и определяются основные понятия и термины, используемые в работе. Главы 1 и 2 целиком посвящены традиционным верованиям лимбу, тогда как в главах 3 и 4 описываются трансформации, произошедшие с традиционными верованиями в XX-XXI вв.

В главе 1 рассматривается система традиционных верований лимбу. Здесь описывается и поясняется такой основополагающий феномен культуры лимбу как *мундхум* – корпус священных текстов. Отдельное внимание уделяется мифологии, а именно приводятся и анализируются космогонический, антропогонический и другие центральные мифы лимбу, а также их различные варианты. В этой же главе перечисляются и характеризуются божества и духи традиционного пантеона с их локальными вариантами, а также описываются три типа шаманов и их функции.

Глава 2 посвящена традиционным ритуалам лимбу и их типам: в этой главе описываются календарные ритуалы, связанные с началом и окончанием сельскохозяйственного сезона, ритуалы жизненного цикла (родины, свадебный и погребальный), а также два культурно-специфичных окказиональных ритуала – *мангенна* и *тонгсинг*. Отдельно проводится взаимосвязь между мифом и ритуалом, а именно приводятся мифы, обосновывающие проведение того или иного ритуала.

В главе 3 описываются и анализируются трансформации традиционных верований лимбу, а также их политические, религиозные и социокультурные предпосылки. В этой главе рассматривается процесс возрождения автохтонной письменности лимбу и последующей письменной фиксации традиционного мундхума, ранее передававшегося исключительно в устной форме в среде шаманов. Здесь же идет речь о появлении нового религиозного течения – Сатъя Хангма, трансформировавшегося в дальнейшем в «религию киратов». В рамках этого учения изменяется роль различных божеств, вместо шаманов культ начинают отправлять специальные священнослужители, основатели культа почитаются как пророки и т.д.

Глава 4 посвящена трансформациям, связанным с ритуальными практиками разных типов. Здесь же описываются процессы появления у лимбу храмовых сооружений и возникновения новых храмовых ритуалов.

В заключении подводятся общие итоги исследования.

Работа в целом выполнена на современном научном уровне и отражает хорошее знакомство автора с существующей литературой, посвященной этнографии лимбу. Автор грамотно и последовательно использует имеющиеся источники этнографических данных, включая современные интернет-ресурсы. Неоспоримым достоинством диссертации является систематизация существующей информации о мифологии и верованиях лимбу и их развитии на протяжении прошлого и нынешнего столетий.

Вместе с этим, нельзя не указать и на ряд проблем, имеющих в диссертационном исследовании, которые стоило бы учесть при дальнейшей разработке данной темы.

Прежде всего, нужно отметить, что этнографические данные по верованиям лимбу в работе рассматриваются изолированно, вне какого-либо типологического контекста. Так, мифологические сюжеты лимбу и их персонажи периодически сравниваются только с индуистскими мифами и их героями в поиске вероятных заимствований, при этом возможные аналогии среди мифов других тибето-бирманских народов южноазиатского ареала, а также, шире, мифологические параллели у этносов других ареалов остаются без внимания. Известно, что у других этнических групп, входящих в общность киранти, существуют свои аналоги мундхумов, которые также в работе никак не упоминаются.

Несмотря на внушительный объем этнографических данных о лимбу в работе, на наш взгляд, не хватает хотя бы краткого обзора исторического развития региона. Информация об общественном укладе этноса, взаимоотношении с соседними народностями и др. также остается за рамками исследования.

Главы 1 и 2 представляют собой по большей части описание различных сторон религиозной жизни лимбу, почерпнутое во многом из внешних источников, при этом доля непосредственного авторского анализа описываемых явлений не столь значительна и не соотносима по объему с описательной частью.

Терминологический аппарат, используемый в работе, вызывает много вопросов. Прежде всего, внимание привлекает отдельный пункт во введении, посвященный терминологии, используемой в дальнейшей работе: Основные понятия и термины исследования (стр. 19 и далее). В нем по замыслу автора приводятся и определяются понятия и термины, которые в дальнейшем используются в работе. Однако приведенные определения по большей части общие или вовсе противоречивые и даже часто переосмысляются по ходу работы.

Один из основных терминов работы – *мундхум* – изначально получает крайне широкое расплывчатое определение («это устная традиция, образ жизни, унаследованный от предков, куда входят и традиционные религиозные представления лимбу... В мундхуме можно увидеть следы анимизма, шаманизма и шиваизма, но он превосходит религию», стр. 21). И только на стр. 33 автор указывает, что будет использовать этот термин в конкретном значении, а именно в значении «корпус традиционных религиозных текстов». Не вполне понятно также, что имеется в виду под «следами» анимизма, шаманизма и шиваизма, когда, во-первых, мундхум отражает именно шаманско-анимистический комплекс верований, а, во-вторых, шиваизм – слишком обобщенное понятие, имеющее крайне большое число школ, течений и вернакулярных

вариантов и его влияние на мундхум далее в работе не рассматривается. Неясно также, что подразумевается под словами «превосходит религию».

Терминологическая двойственность возникает и с понятием *санскритизация* (стр. 23). Автор дает следующее определение и пояснение к этому термину: «Санскритизация — распространение ведийско-индуистской религиозной и культурной традиций на новые области субконтинента, начавшееся в древности и продолжающееся до сих пор. Впервые термин был применен индийским исследователем М. Шринивасом для описания процессов вертикальной социальной мобильности в кастовой системе: низкая каста могла подняться на более высокую ступень в иерархии, присвоив, насколько это было возможно, обычаи, обряды и верования брахманов». Такое описание содержит сразу два понимания термина «санскритизация»: в узком смысле — в терминологии Шриниваса (а именно, социальная мобильность определенного типа) и в широком — как синоним религиозно-культурной ассимиляции с индуизмом, и далее в работе термин используется в последнем значении. При этом в современной индологии термин «санскритизация» чаще трактуется в терминологии Шриниваса, а для ассимиляции с индуизмом выбираются другие термины (например, брахманизация). Стоит отметить, что в течении Сатья Хангма и, в дальнейшем, в «религии киратов» как раз отмечаются все значимые элементы санскритизации по Шринивасу: отказ от жертвоприношения животных, вегетарианство, запрет алкоголя и др., но данный термин практически не применяется к этим религиям, а чаще употребляется по отношению к традиционным верованиям и юмаизму, где заимствуются некоторые индуистские обрядовые практики.

В пояснении к термину «шаман» (стр. 20) перечисляются типы шаманов у лимбу: *федангма, йеба, биджува* и *самба*. При этом на стр. 61 мы узнаем, что *биджува* (термин, который в отличие от трех других является заимствованием из непальского языка — прим. реценз.) — это не отдельная категория шаманов, а синонимичное обозначение для шаманов-*йеба*, которое далее в работе не используется.

На стр. 23 приводится понятие *новое религиозное движение (НРД)*, однако автор тут же выражает сомнение в уместности употребления этого понятия в контексте Южной Азии, и далее в работе это понятие не используется. Встает вопрос о том, зачем это понятие было приведено в списке основных понятий и терминов исследования, когда логичнее было бы обсудить уместность его применения в рамках описания непосредственно новообразованной «религии киратов».

При этом такой важный терминологический момент как разведение в работе терминов *киранти* (общее обозначение народов лимбу, раи, йакха и сунувар) и *кираты* (последователи «религии киратов»), во многих работах и контекстах употребляемые как

синонимы для обозначения надобщины вышеуказанных народностей, вкратце указывается только в сноске (3) на стр. 4.

Едва ли оправдано на протяжении всей работы называть традиционные верования лимбу «безымянными», поскольку любые традиционные верования обычно не имеют конкретного названия, если как-либо не институализируются или не считаются вернакулярной формой крупной религии (как, например, народный индуизм).

При исследовании традиционной системы верований лимбу стоило бы, на наш взгляд, уделить большее внимание языку лимбу. К некоторым понятиям в работе приводятся их дословные переводы с лимбу, которые при этом не получают никакого анализа. Однако поскольку и имена божеств, и названия ритуалов, и другие элементы традиционных верований часто бывают значимы (а в случае лимбу это так), и внутренняя форма таких слов понятна для носителей языка, то анализ этих слов мог бы дать дополнительную информацию о различных аспектах верований. Так, например, название реформаторского учения «Сатья Хангма», которое подробно исследуется в работе, переводится как «истинная вера» (стр. 6, сноска 11). На самом деле слово *hangma* на лимбу означает «королева, госпожа», а полное название учения звучит как *Satya hangma dharma* «религия истинной госпожи». В [Gaenzle M. Satyhangma rituals: commemorating Phalgunanda in eastern Nepal. European Bulletin of Himalayan Research, 57, 2021] делается предположение, что под госпожой понимается богиня, и тогда такое название, возможно, отсылает к культу богини Юмы как значимой богини пантеона. Однако анализ названия столь значимого культа остается за рамками диссертационного исследования.

Интересный факт, что коронавирус стал ассоциироваться с богиней Юмой и считаться ее вредоносной ипостасью (стр. 128) также, возможно, имеет языковые предпосылки и представляет собой распространенное в языках и культурах различных народов явление персонификации болезней и эвфемизации их названий при помощи терминов родства, в частности, обозначающих старших родственников («матушка», «бабушка», «тетка» и др.). Основное значение слова *yuma* на языке лимбу – «бабушка». Обозначение этим словом домашнего божества является семантическим развитием изначального значения: такое явление встречается в языках Южной Азии разных семей и групп. Также характерно для этих языков и использование терминов родства для обозначения опасных болезней (чаще всего оспы).

В работе имеются и стилистические недочеты. Так, вступление к Главе 3 и ее заключение практически совпадают по тексту, представляя собой краткое содержание главы, что представляется излишним как композиционно, так и содержательно. Кроме того, в работе встречается достаточно большое количество опечаток, неоконченные фразы (как, например, стр. 144), случайные повторы слов (стр. 173), повторы одного и того же

предложения в одном или соседних абзацах (стр. 146, 173) и т.д., что создает впечатление некоторой небрежности в оформлении текста.

Высказанные замечания, тем не менее, не ставят под сомнение высокий уровень диссертационного исследования и скорее призваны наметить возможную стратегию дальнейшей работы над темой. Диссертация представляет собой оригинальное исследование и свидетельствует о личном вкладе ее автора в науку. Результаты диссертационного исследования отражены в 12 статьях, из которых 4 опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Диссертационное исследование Стрельцовой Л.А. «Верования непальских лимбу: традиции и трансформации в XX-XXI вв.» соответствует требованиям пунктов 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор Стрельцова Лилия Александровна заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. — Этнология, антропология и этнография.

Отзыв ведущей организации подготовлен кандидатом филологических наук, научным сотрудником лаборатории исследования и сохранения малых языков Ренковской Евгенией Алексеевной.

Отзыв рассмотрен и одобрен на заседании лаборатории исследования и сохранения малых языков ФГБУН Института языкознания Российской академии наук протокол № 10 от 07.05.2024 г.

Ведущий научный сотрудник,
заведующая лабораторией
исследования и сохранения малых языков
Института языкознания РАН, к.филол.н.

Кар

Казакевич Ольга Анатольевна

